Автобиография

Я — Белолипецкий Николай Александрович обещал сдать на госхранение документы личного фонда. Решение этой задачи оказалось не простым делом. В период активной деятельности мы об этом просто не задумывались. Между тем, обстановка тех лет, работа с интересными людьми, постоянная необходимость преодоления всякого рода трудностей формировали мои взгляды, приемы и методы работы. Жизнь и деятельность моего поколения характеризовала полной отдачей физических и духовных сил, дисциплиной, служением народу.

Родился я в год, когда не стало В.И. Ленина. Этой связи дат никогда не забывал.

Детские годы прошли в многодетной крестьянской семье. Отец был замечательным человеком. Но в германскую войну он заболел туберкулезом и умер в возрасте 38 лет, когда мне шел восьмой год. Все заботы о пятерых детях легли на плечи матери — простой колхозницы.

Я был средним в семье и первым из сыновей. По крестьянской традиции мне была отведена определенная роль в жизни. Когда я учился во втором классе, меня взял на воспитание дядя Сережа — брат отца. Так я оказался в городе Энгельсе, где дядя служил военным врачом. В школе я сначала дичился: ребята надо мной смеялись, потому что был одет по деревенски и неумыт. Но вскоре всё изменилось в корне. Занятия отца со мной были благотворны — я быстро справился с учебным материалом, хорошо читал и писал по-немецки, чем удивил и учительницу — немку.

Уже позднее я осознал и оценил преимущества советского строя, который дал возможность огромному количеству детей из обездоленных

стро-б выучиться, вырасти и стать полезными членами общества. Передо мной проходила судьба дяди Сережи: он окончил два класса церковно-приходской школы, а потом был направлен в рабфак, а затем в медицинский факультет Саратовского университета. Я всегда был на работе и учился с удовольствием. Любил общественную работу: избирался старостой класса, председателем ученического комитета школы, секретарем комитета ВЛКСМ.

Помню я разговоры взрослых, что неизбежно будет война с фашистами. И нам — ребятам все время хотелось быть готовыми к ней. С благодарностью вспоминаю содержательную работу комсомола и городского комитета Осоавиахима. Мы играли на пустырях в „Чапаева", зимой с увлечением участвовали в военно-спортивных играх и соревнованиях. Я учился в стрелковом кружке в доме печати и ревностно занимался. Стреляя хорошо, сам даже инструктором в школе. А последние три года учебы в школе с интересом занимался в городском клубе юных моряков, что определило род службы в годы войны.

Нападение Германии на СССР принесло большим сдвигам во всей нашей жизни. Патриотический подъем советских людей был необыкновенным. Мы — ребята рвались на войну, жаждали дела. Вот пример. Наша новая 28-я средняя школа на 2300 учащихся была отведена сразу же под госпиталь. Из-за два дня мы вынесли школьный инвентарь, за четыре дня вставили и расставили госпитальное оборудование.

Директор нашей школы Петр Иванович Маслеников был больше друг молодежи. Он осторожно направлял нас, чтобы мы нашли себе такое дело, чтобы заменить ушедших на фронт. Когда мы четко осознали эту цель, все члены комитета комсомола школы пошли в горком комсомола. Там горячо поддержали нашу инициативу и посоветовали учиться на курсах по подготовке инструкторов для МТС. Секретарь горкома комсомола просил меня в тот день выступить по республиканскому радио с призывом к молодежи. Успех нашего почина был поразительным: за три дня в городские учебы около двухсот ребят и девушек старших классов школ.

3 июля все курсанты слушали выступление И.В. Сталина по радио. Его слова, падающие как камни, развеяли оптимистические надежды на скорое окончание войны. У многих из нас защемило сердце от сознания, что над Родиной нависла смертельная опасность, что речь идет о жизни или смерти Советского государства, о том — быть народам свободными или впасть в порабощение. Оставшиеся дни учебы прошли удивительно собранно: мы передали свои беззаботные, старанием лучше изучив колебания.

Нас направили по МТС, затем по тракторным бригадам, где сразу же включили в уборку богатого урожая. Обстановка требовала работать только хорошо, все терпеть трудовые работы. Остро не хватало механизаторов и мы были и комбайнерами и трактористами и шоферами.

После выселения немцев Поволжья в начале сентября 1941 года работать стало еще труднее. Сейчас — в 1991 году многие

туркмены, писатели усиленно убеждают нас, что в годы войны мы спасались напрасно. Что мы были обложены драконовским режимом. Что нужно было дорогу не сдаму защищать, а, наоборот, сдать ей немцам и тем самым освободить себя от большевизма и б.д. Но, несмотря на массовую обработку, мы — ветераны войны и труда, пережившие за прошедшие годы сложную жизнь, остаемся во многом верны своим взглядам и считаем, что выше чувства Родины нет в мире ничего! Мы — не болваны, болваны — не мы.

В 1941-1942 годах я был участником „великого переселения народов". Для уборки урожая к нам присылали бригады механизаторов со станицы Белоглинской Краснодарского края, порой — из Набережных Челнов приезжали татары. Поработав месяца по два, они уезжали, прихватив заработанный хлеб. Следом в обезлюдевшие районы Завалялся хлынули потоки беженцев с Запада. Первыми прибыли к нам эшелоны каких-то евреев. Затем массами стали прибывать эвакуированные из Киева и Полтавы, поляки из западных областей.

Из „будущего" с. Розенгейма я оказался сразу в „прошлом" и вроде бы „за старшего" в данной теме. Надо было дать людям работу с тем, чтобы управлять с сельхозработами. Мне — мальчишке нужно было учесть украинскому, башкирскому, польскому и еврейскому языкам, чтобы найти с ними общий язык.

Зимой 1942 года мы создали женскую драгорную бригаду из эвакуированных украинских девушек, в ней были и два еврея из Киева. Зимой мы изучали с ними трактора и сельхоз-

орудия, а весной приступим к работе в поле. Девчата работали старательно, но если трактор заглох почему-либо, они сразу же принимались шептаться с трактористом, и тут порой ревели об своем бессилии. Бригадиром у нас был пожилой, бывший из госпиталя хромой инвалид. А я была его помощницей. Моя основная задача — регистрировать выпуск. С утра и до позднего вечера я верхом на лошади моталась от трактора к трактору, чтобы запустить их. Механизаторы тогда порой знали, что тракторы ХТЗ имели такое слабое место, как подшипники коленвала. И их надо было „перетягивать" почти каждый день. А тракторов этой марки у нас было восемь!

О девушках еще надо сказать, что они, несмотря на домашние и родные неудачи, нередко плакали, но вслух никто не ругал свою жизнь. После смены они обмывались от пыли и грязи, одевались в нарядные блузки и косынки и, рассевшись около тракторной будки, до поздна пели мелодичные украинские песни. Сколько целомудрия было в этих девичьих вечерах! Нередко девушки плакали, но верные святому чувству, вскоре могли хохотать, смеясь над собой. А назавтра — опять работа, опять заботы о доме, чем помочь фронту. С тяжестью воспринимались любые вести оттуда. А фронт приближался все ближе. К нам по ночам стали прилетать немецкие бомбардировщики „Хейнкели". Мы хорошо узнавали их по воющему гулу моторов, характерному только для них. Бывая иногда в селе, мы с высокого берега Волги могли наблюдать ночные бомбежки пароходов, идущих по широкой Волге на север (сплав с бакинской нефтью), и на [illegible] — с тяжелой ношей и дерзкий к Сталинграду. Фашистские летчики сбрасывали на парашютах осветительные ракеты. Под их

ослепительным светом они выбирали себе цель, бомбили её и мы со щемящей болью отмечали каждое попадание в пароход, как правило, кончающееся пожаром. И если это были танкеры, за ними на несколько километров в темноте шлейфы огня.

В этой обстановке я не забывал, что меня ждёт флот." Поверили в мою мечту и райвоенком, заезжавший к нам на фабрику почти в полдень дезертиров и нежелающих учиться. А они были и все мы учащиеся в обмазах. Военному я обязан призывом на службу в Балтийский флот. Не дожидаясь путевого листа (механизаторов почти и задержали), я пешком ушел в Энгельс, а это 32 километра, а затем в Саратов.

Две недели шел железнодорожный эшелон из Саратова до Ладоги. Не раз попадали под бомбежку, особенно за Москвой. И это было делом не хитрым. Я видел, какой сноп искр вылетал из трубы паровоза. Ночью всё было как на ладони. Особенно запомнилась бомбежка на станции Тихвин, когда горели десятки эшелонов. Только чудом вы вырвались из этого ада.

Три дня мы не могли переправиться через Ладожское озеро. Скрывались всё это время в лесах вдоль прибрежных каналов. А когда всё-таки нашла шхуна в шторм добралась на ту сторону, еще три дня мы ждали своих товарищей, уцелевших из Кабоны на других транспортах. Не дождались; значит, они погибли в холодных водах Ладоги.

В Кронштадте с утра профессия моя направили на учебу в электромеханическую школу имени матроса Жилякова. Но учились мало. Каждый день, каждую ночь город подвергали

болтанкам или артобстрелу. Сколько было тревог и авралов по разным поводам. Нескалько раз мне приходилось ходить на траулерах ставить мины, в разведку, в десантные операции. Был ранен и свое 18-летие встретил в госпитале. В ноябре 1942 года многих из нас списали в морскую пехоту — готовили прорыв блокады. Участвовал в прорыве. В Шлиссельбурге батальон принял смертельно уставшим. В обороне на Невском пятачке был командиром минометного расчета, а с весны — командиром отделения взвода разведки.

В марте 1943 года на переднем крае принят кандидатом в члены КПСС. В партию пришел вполне осознанно: мне девятнадцатый год, понимал свою святую обязанность защищать и оборонять Ленинград. При всем уважении к памяти Петра Великого, не могу принять Санкт-Петербурга. Ленинград, как и для всех живущих тогда, защищавших колыбель революции, останется для меня по-прежнему Ленинградом!

Неполный год службы на фронте остался в памяти навечно. Удивительно, как смогли ленинградцы длительный период времени переносить холод и голод — два самых отрицательных явления блокадного времени. Осмысливая это, думаю, это помогли два обстоятельства — всё предвоенное воспитание труда, доблесть и мужество ленинградцев.

Нам не раз приходилось разбирать завалы на Морзаводе в Кронштадте. Его корпуса были без стекол, стены — в огромных пробоинах, а завод работал! Около уцелевших станков потные рабочие в ватниках что-то делали для фронта. Получив холодный чай, они падали прямо у станка. Их поднимали, относили в теплушку, давали кипяток. Через час-два они — вновь на боевом посту. Разве можно забыть этот молчаливый героизм? Тем более, что он — этот героизм был повседневным, он ничем не отличался от повседневной жизни и быта

Другой случай – факт, который забыть даже нельзя, потому, что он характеризует обстановку того времени в Ленинграде. 6 ноября 1942 г. к нам в госпиталь в Кронштадте прибыла делегация из Ленинграда. В ее составе – трое седовласых „мудрецов" рабочих и две такие же почтенные женщины. Они прибыли к нам, преодолев 36 км рейда по Маркизовой луже, под непрерывным обстрелом корабля, извергавшего из труб снопы искр, которые немцы, конечно же засекли, открыли по ним огонь. И если они дошли до Кронштадта благополучно, то в этом заслуга каждого из нас (к сожалению, никто, видимо, не узнает сейчас его имени), сумевшего провести корабль в Кронштадт. Гости из Ленинграда от всей души поздравили нас с великим праздником – 25-ой годовщиной Октября, пожелали нам скорейшего выздоровления и, как можно скорее, быть ненавистного врага, посягнувшего на город Ленина. Ну а главное на другое потом: они разнесли и раздали каждому из нас в подарок от ленинградцев кулек, свернутый из газеты, в котором содержался такой вкусный и неповторимый гостинец. Уже потом мы узнали, что ленинградцы выращивали на своих огородных участках овощи (семена которых они могли достать!) это так современно звучит!). Они собрали их с тех газонов, где росли их цветы для того, чтобы их свезти, и повезти их в Кронштадт для раненых. Вы можете сказать, что тут ничего не произошло. Но моё мнение: это со стороны ленинградцев было воплощение до самых высоких идеалов благородство и самоотверженность ленинградцев! Могучие и мощные образы нашего, обогащавшегося в то время, сознания для меня и других защитников Ленинграда, образцами,

ните которые участники обороны Ленинграда,
опускаться, конечно, было нельзя! Просто нельзя!! Каждый
год в дни первого прорыва ~~обороны~~ блокады и в день окон-
чательного снятия блокады — 21 и 28 января в Пуш-
кину „ленинградцы" (участники собственно обороны Ле-
нинграда и воины Волховского фронта, ценою бла-
гих потерь пытавшихся освободить ленинградцев)
всегда собираются на, конечно — символическое,
„поминки". В память этого чудящего пожара, где
мелькают огни красного, яркого и жаркого ~~огня~~
цветов, мы видим и представляем себе наших
друзей и товарищей, сгоревших в огне 1418 дней.

Всегда, когда мне приходится выступать перед
людьми, я не боюсь подчеркнуть, что такое
высокого героизма, какого дали ленинградцы,
повторить даже нельзя. Я, весь в крови, ле-
жал в кровом заду пединститута им. Герцена,
но сдался ли я в той обстановке? Конечно, нет.
Ведь рядом со мной справа лежал весь израня-
ный очень симпатичный морячок. А когда ему,
как и нам, сказали, что мы подлежим эваку-
ации на Большую землю, чему мы все очень
обрадовались (я этого не скрываю: ведь хочется,
хоть немадало, пожить), он сказал, что никуда
не поедет! Выяснилось, что он до войны был
моряком — краснодеревщиком. В войну он потерял
в бою обе ноги (был в рядах саперов и нар-
вался на „прыгающую мину"), но не мог покинуть
Ленинград. Перед эвакуацией мы расставались
очень долго. Наша ~~~~ девочка сестра Таня
сочувствовала за огромную сумму денег достать
нам то, чем мы могли расстаться по этому
поводу: хлеб стоил 150 руб., а водка — 500 руб. Стано
меня не знаю что, но деньги нашлись. Так
мы утром и расстались, получив медали —
„За оборону Ленинграда". Комиссар госпиталя,

вручавшие нам медали, смотрел на нас сверху вниз (мы на коленках лежали на полу) говорил о том, что защитники города в веках не будут забыты, и сами заходят, всегда будут почетными гостями города и т. д.).

В наши дни мы полностью осознали, что хотят нынешнего Ленинграда не хотят, что бы мы помнили о прошлом. Нам хотят доказать, что все наши устремления направлены на внедрение капитализма. Всё это ложь!!! Мы были (военные годы) и остаемся (несмотря на предательство М.С. Горбачева и его сподвижников) сторонниками всё-таки социалистического выбора!

В самом деле, события тех лет обороны города были очень многообразны, они не могли так ординарно, т.-е. обычно, но обывательски восприниматься события тех лет.

В начале июня 1943 г. наш взвод разведчиков получил задание взять „языка", разузнать намерения немцев на нашем участке Невской Дубровки. Две недели подряд, каждую ночь, наши отделения взвода разведки выдвигались вперед — на „поиск". Мы (наш взвод) несли большие потери. Только тогда я осознал, насколько коварной была так легендарная в Ленинграде „белые ночи". Нам — разведчикам — негде было повернуться, чтоб не обнаружить себя. Я до сих пор не могу забыть „белые ночи", которые так мешали решать поставленную задачу. А ночью 15 июня на „нейтральной полосе", когда наше отделение глубоко вдвинулось в расположение немцев, я был ранен (подорвался на мине).

Для меня тогда кончилась война. Не потому, что я был тяжело ранен, а потому, что такие тяжелые последствия многие значили для

меня. Никогда ранее однокласснико-полюбившаяся сестренка не могла согласиться со всем тем, что родилось „во время Елизаветы". В госпитале мне ампутировали правую ногу, а в октябре принес реампутацию. Выписали из госпиталя в январе 1944 года. Квалифицировали меня инвалидом 2-й группы. Израненным, контуженным, ослабевшим. Куда деваться в таком состоянии?

Что делать? Как жить дальше? – Все это возрождало прежнюю мою, мучала меня. Что было дома?" Зима была снежная. Больной месяц, несмотря на попытки, не мог из-за этого выйти из дома куда на улицу. Но, как это всегда бывает, выручали и спасали от отчаяния хорошие люди. К нам тогда, как бы невзначай, заходили соседи, родственники. Почти каждый вечер к Клавдии Александровне (директору школы), как бы невзначай, заходили учителя школы. Время проходило очень весело. Много было шуток, естественно – смеха, игр, песен. Все это, как бальзам целебный, ложилось на раны и на душу. Стал думать о том, что всё мне не по чём. Спасли меня также обстоятельства, что я в школе был отличником по многим предметам. Учителей в школе просто не хватало. А когда в 1944 году хорошие учителя взяли да уехали домой (в Смоленскую область), наши ребята остались чуть ли не в дураках: их никто не мог выручить – сдать экзамен за семилетку. Это была трагедия для них. Директор школы, а следом за ней – зав. роно Кл. Ив. Воронина, бросились ко мне и уломали меня пойти на преподавание всех сложных предметов по математике и физике, чтобы ребята могли возможность сдать экзамен за семилетку.

Какой же я был учитель? Правда, я уже учился в Борисоглебском учительском институте (заочно), а каков был толк тогда во мне? Я мучался поэтому, до

дер пор, пока я не осознал всей полноты поддержки товарищей по школе. Понял это, уже через два месяца сам добровольно работать в школе, вдумчиво в жизнь коллектива школы. Было очень сложно осознавать, как рождалась любовь учащихся к моим „новым" предметам: арифметике (5-й класс), алгебра (6-7-й класс), геометрия (6-7-й класс). Уже позже - через несколько лет, я узнавал от наших девочек и мальчиков, что годы учебы в Сукманихе были очень полезны для них, что они хвалили меня, как хорошего учителя. Но это было уже потом - в период работы в школе.

А летом 1944 года, в период школьных каникул по просьбе председателя рабочал пом. счетовода колхоза. Кое-что получалось, поскольку я понял как-то фразу баланс итальянской бухгалтерии.

Не могу не подчеркнуть, что в те годы учительский коллектив играл большую роль в политической хозяйственной жизни села и его жителей. Видимо, по этому коммунисты, объединенные тогда в составе территориальной партийной организации (а их было тогда 13 человек), избрали меня секретарем. Не всё у меня получалось: как-то приехал член бюро РК, проверил работу, нашел много недостатков, а потом на пленуме РК КПСС всё это раскрыл. Больно было, но нечего было и скрывать недостатки.

Памятным днем в жизни села знаменательная дата 9 мая 1945 года, которую я не забуду никогда. Утром, около 6 часов от посланца из сельсовета я узнал (по телефону, от первого секретаря РК ВКП(б)) о том, что фашистская Германия капитулировала. Это в те дни уже не было новостью, потому что победа была закономерной. Но одно дело - ожидать очевидное, и другое - осознать такое неизбежное событие именно в День Победы! Ведь о капитуляции Германии наши войска оповещали всех

жителей села. Цепочками – группами и одиночками потоком шли люди на центральную площадь села, где у сельсовета шел незабываемый митинг. Бывшие фронтовики выступали об душем и вслед за их словами по толпе как бы волнами ходили то огромная радость, то безмерная печаль. Отдельной группой стояли и навзрыд плакали вдовы и матери погибших на войне, поняв в одночасье, что теперь нечего ждать вестей от них.

В августе 1945 года райком партии предложил мне перейти на работу в аппарат. Я отказывался. Пугала новизна дела. Но самое главное – сказывалось нездоровье. Перед этим побывал у нас приездом из армии к новому месту службы дядя Сережа. Он долго и внимательно обследовал меня и дал необычные рекомендации: заняться водной гимнастикой, обтираться водой и держать себя в узде. Несмотря на все это, в порядке партийной дисциплины, характерной для тех лет, я вынужденно дал согласие на работу в райком.

Переехал в Жердевку, жил на частной квартире. Включился в поглощающий непрерывный круговорот партийной работы. Тогда же мне пригодились дядины советы. С января 1946 года стал упорно занимаясь укреплением здоровья, сел на диету (это было легко сделать). С тех пор прошло более сорока лет и с полным правом могу заявить: всей своей дальнейшей и активной работой я я обязан гимнастике, режиму жизни и питания, умению владеть собой.

Два года работы в райкоме были очень напряженными. Ведь за годы войны площади обрабатываемых земель сократились в несколько раз. Зерновые убирали косами. Поля сильно засорены. Урожаи – очень низкие. Страшная засуха 1946 года свела на нет начавшееся восстановление посевных площадей. Люди страдали от голода больше, чем в войну.

Спасла людей помощь государства зерном и семенами.

Организаторская и воспитательная деятельность партийных организаций по мобилизации колхозников и работников МТС велась тогда на высших уровнях возможного и требовала от всех людей строжайшей дисциплины и высокой ответственности. Сейчас сами модные ругать коммунистов, перекрасть, выводить их „истоки зла". С этим я категорически не соглашаюсь. В те годы коммунисты работали с полной отдачей, добиваясь восстановления разрушенного народного хозяйства, не считаясь со своими силами, думая об общем благе. А если кто-то из нас думал только о себе и позволял прихватить что-то для себя, это вызывало всеобщее и резкое осуждение, наказания по партийной линии и суд.

Я подробно рассказал, как об этом меня просили, о моей жизни до войны, в годы войны и после нее. Дальше буду излагать события более кратко.

После окончания партшколы я работал в Тамбовском сельском районном парткоме. Хочу особо отметить, что в те годы наше военное поколение находилось под сильнейшим влиянием книги Б. Полевого „Повесть о настоящем человеке". Я назвал бы ее могучим колоколом, который звал бывших солдат преодолевать болезни, инвалидность, вновь становиться в строй и быть полезным обществу. Что может быть выше для человека и коммуниста! В 1950 году, будучи в Сочи на лечении, я смог встретиться со своим героем Алексеем Мересьевым, беседовал с ним и до сих пор счастлив этим. Для меня все это было актуально. Именно в те годы проявилась моя неизлечимая болезнь в ампутированной ноге. Не помогли мне ни пребывание в научно-исследовательском институте

в Москве (сделаны были там), но восемь хирургических операций. Лишь на время они отступали боли, но остановить непрерывный рост кисты остановить не могли. С тех пор эта болезнь, как злой рок, преследует меня, не позволяя забыть об инвалидности.

Период работы в райкоме (1949–1945) оказался плодотворным для становления меня, как партийного работника. Очень сильным было влияние первого секретаря райкома Василия Ивановича Карпова. Целеустремленный до фанатизма, враг всего обычного, консервативного, пламенный оратор, он был прекрасным организатором и воспитателем. Он не был кабинетным работником, постоянно встречался с колхозниками и рабочими. Естественно, что партийный, комсомольский, советский и хозяйственный актив района стремился походить на него. Подробно говорю об этом потому, что обстановка того времени требовала совершенно новых подходов к делу.

Руководство района выступило инициатором радикального изменения управления хозяйством и это позволило добиться коренного улучшения состояния земледелия, овощеводства, животноводства, строительства, отрасли труда. Благодаря этому ранее отсталый Тамбовский район стал одним из лучших в области. Но это – новая тема, которую раскрыть в автобиографических записках невозможно.

Более десяти лет я работал в обкоме КПСС, прожил и дам большую школу и это – вновь богатая тема для рассказа.

Остался в памяти и события августа 1957 года, когда в Тамбов приехал известный писатель С.С. Смирнов. Он встречался с участниками обороны Брестской крепости, жившими в Тамбове. Четыре дня, проведенные с ним (мне было поручено организовывать встречи), дали возможность глубже понять этого замечательного человека. Поражали в нем человечность и высокое гражданское мужество. Подвиг С.С. Смирнова в том, что его деятельность вызвала

развитие массового патриотического движения по розыску неизвестных героев войны, новый подъем национального духа. Разве можно забыть его пламенный призыв „Фрондовики, одеждe ордена!" Благодаря ему был возрожден День Победы. Я с благоговением берегу две книги С.С. Смирнова с его автографами, присланными из Москвы.

После воссоздания Тамбовского горкома КПСС я работал там два года. Тогда вопросы торговли, особенно продовольственными, решались неудовлетворительно. По поручению обкома партии перед горкомом была поставлена главная задача – обеспечить наиболее полное удовлетворение потребностей населения города. В результате ряда эффективных мер эта задача была решена. Следом на повестку дня выдвинулись вопросы расширения ассортимента и качества продуктов питания, это потребовало перестройки деятельности всех перерабатывающих предприятий. В эти годы [redacted] много занимались мы развитием материально-технической базы торговли и общественного питания, приближения их предприятий к месту жительства и работы населения. В этих же целях горком добился резкого сокращения сроков проведения капитального ремонта магазинов и столовых. При этом обязательно проводилась их реконструкция с активным участием мастеров Художественного фонда. Важной задачей горкома стало создание пригородного хозяйства в селе Донском. Были преодолены большие технические трудности по прокладке теплотрассы от ТЭЦ и через год вступили в строй три больших теплицы по выращиванию зеленого лука и зимнему весной.

Работа в горкоме была разнообразной, но и в то же время интересной и результативной. Однако, затем я был рекомендован на должность председателя Ленинского райисполкома г. Тамбова.

Живя на территории района с 1949 года, я осознавал его проблемы, но здесь узнал их гораздо глубже. Ленинский район – политический и культурный центр города. В то же время – это старый ин-

ной фонд, низкий уровень благоустройства, особенно бездорожье. Для их решения я входил с продуманными предложениями в обком и горком партии, горисполком. Предложения внимательно рассматривались, по ним выносились решения. Конечно, не все они были реализованы, потому что нужны большие деньги, проекты, подрядные организации и т.д.

И тем не менее за годы работы в райисполкоме был возведен новый памятник В.И. Ленину, концертный зал, ресторан „Центральный", реконструированы Ленинский и Комсомольский скверы. К трем школам сделаны новые пристройки. Построены: комплекс 2-ой городской больницы, онкологическая поликлиника на Первомайской площади, медсанчасть завода „Ревтруд", что резко подняло уровень медицинского обслуживания населения Ленинского и Советского районов. В течение 3-х лет удалось заасфальтировать и благоустроить поперечные улицы (от ул. М. Горького до ул. Фадеева). За пределы района были выведены все областные базы торговли и снабжения. Это снизило загрязненность улиц, так характерную для Тамбова. Построены: южный водозаборный узел, станция обезжелезивания, новые водопроводные линии. Это обеспечило нормальное водоснабжение всего района. Удалось построить напорные коллекторы фекальной канализации от Жигалки до очистной станции, что избавило ручей Жигалку и реку Цну от фекальных выбросов, оздоровило воду в канале и сделало возможным купание в черте города. Вместе с участием предприятий города были благоустроены места отдыха трудящихся: парк культуры и отдыха, лесная опушка Цны, Пригородный лесопарк и остров Эльдорадо.

Хорошее вспомнить приятно, осознавая в этом свою роль, заботы, тревоги, бесконечные споры с исполнителями - до них. Но приятно вспоминать и многих руководителей советов, строительных организаций, промышленных предприятий, которые много сделали для родного города.

А сколько таких не было осуществлено! И среди них - не удалось активизировать жилищное строительство - главную проблему района. За год до окончания моей работы в исполкоме наконец-то удалось решить застойные вопросы, связанные с застройкой улицы Интернациональной (от ул. Сакко и Ванцетти до ул. Пролетарской),

Сравнительно быстро был проведен снос домов и переселение жильцов (около 800 семей) с этой улицы. Но ни я, никто другой не мог предполагать, что строительство этого дома на этом месте растянется на целых одиннадцать лет!

Огромный размах строительства и благоустройства, нервные и физические нагрузки обострили сердечные заболевания, за шесть лет работы неоднократно делала хирургические операции на ноге. Мои просьбы об освобождении от работы были удовлетворены и я был направлен на работу в архивный отдел облисполкома.

Практика работы, жизненный опыт, беседы с людьми дали мне тогда объективные возможности для выработки светлых мыслей „человека со стороны" для разработки и проведения в жизнь комплекса мероприятий по совершенствованию организации архивного дела в области.

Первой не по времени, а по значению была проблема создания современной материально-технической базы государственных архивов, состояние которых было плачевным.

Предметом особой заботы стал облгосархив. Его строительство длилось чуть с половиной года, столько же, сколько оно не велось. Перипетии были многогранны, нередко - драматичны. Не раз шла речь о консервации объекта. Для решения важнейших и острейших вопросов дважды был на приеме у зам. председателя Госплана РСФСР, у председателя Госстроя РСФСР, у председателя Госснаба РСФСР. Все сложности достаточно освещены в материалах личного фонда и на них более я останавливаться не хочу.

Не менее активно отдел занимался вопросами улучшения условий работы районных и городских архивов. Поездки на места были частыми, деловые контакты с председателями и секретарями райисполкомов - постоянными. Отдел получал поддержку руководителей облисполкома. Итог - большинство (25 из 30) райгорисполкомов заметно улучшили условия. Жаль, конечно, что не все!

Следующей крупной задачей, которую решал отдел и архивисты, было кардинальное улучшение работы госархивов с учреждениями, организациями и предприятиями. Сложности были (и остаются), прежде всего, в

отрасли необходимой нормативной базы в их взаимоотношениях. Работники отдела сумели правильно оценить значение вышедших к этому времени требований ЕГСД и ГОСТов. Поэтому мы вели широкую пропаганду их, оказывали учреждениям большую практическую помощь в наведении должного порядка на этом важном участке управленческой деятельности. Все это положительно сказалось на культуре работы с документами в учреждениях области.

Горько сознавать, что проблема единства всех звеньев работы с документами в стране до сих пор не решена. Мутный бумажный поток, захлестнувший систему управления, наносит колоссальный ущерб интересам развития хозяйства и культуры страны.

Следует подчеркнуть, что архивный отдел активно искал пути по совершенствованию организации архивного отдела, вносил предложения в областные, в центральные органы. На республиканском совещании в г. Подольске, проводимом Главархивом РСФСР, предложения наши были горячо поддержаны участниками с мест. После этого по инициативе начальника Главархива СССР председателя облисполкома Е.М. Подольский выступил на Всесоюзном совещании руководящих архивных работников в Москве, а потом – со статьей в газете „Известия". По просьбе редактора журнала „Советские архивы" секретарь облисполкома т. Копычев А.Н. выступал со статьей в журнале. Ранее, в письме в газету „Правда", я изложил свои взгляды на перспективы развития архивного дела в стране. Последовательно на совещаниях в Москве выступал с критикой недостатков, своими предложениями. И очень сожалею, что предложения с мест остались благими пожеланиями. За ними не последовали практические шаги со стороны Главархива СССР, других центральных ведомств, в чьей компетенции находились эти вопросы. Одним словом, мы, как Дон Кихот, боролись с силой, охарактеризованной позже как „период застоя". Её принцип „сидеть и не рыпаться" душил всякую инициативу работников, желавших обновления, безбожно бил по рукам. Лично я на себе осознавал эту бездушную систему, её неприспособленность и косность, отсутствие перспективы. „Спасла" меня болезнь, что сделало возможным в 1986 году оставить работу.

В заключение скажу следующее. Вырос я и работал в годы советской власти. В корне не согласен с теми, кто считает, что мы – люди военного поколения были обмануты сталинским режимом и в силу этого стали „циничными". Да вся жизнь нашего поколения упрямо свидетельствует о неистребимом желании верно служить народу, Родине! Мы были и остаемся неверующими в бога. Но выясняется, что такие же мысли предупреждал и проповедовал Иисус Христос, ради этого он взошел на крест и сделал это вполне осознанно. Так за что же наше поколение не любят и желают нам поскорее уйти „в мир иной"? Ответ может быть лишь одним: за нашу веру в неизбежное светлое будущее, за нашу любовь к Родине, к людям, за нашу непримиримость к тем, кто живет и работает лишь для себя, за нашу смелость и принципиальность в их вопросах.

Думаю и надеюсь, что нынешний хаос, а по-русски – смута не будут долгими. Поймем трезво наши ошибки, вспомним наши убеждения, оценим тот непростой путь, который мы прошли, оценим нашу кропотливую работу и, может быть, лучше осознаем разницу между лозунгами и делами нынешних „деятелей".

С радостью и большими надеждами встретил я перестройку, так необходимую для истинного обновления жизни советских людей. И с какой болью приходится констатировать провал этих планов! Страна, ее экономика – разрушены, коммунистическая партия – предана ее лидерами (таких масштабов предательства история человечества не знает!), народ доведен до обнищания. Впереди – никаких перспектив...

Я выражаю сердечное спасибо и бесконечную благодарность всем товарищам и друзьям по совместной работе! Воспоминания об этом облегчают нынешнюю жизнь, помогают осознать старую истину: мир держится на хороших людях.

02.12.91.

Н. Белоконь